

Тина Арсеньева

Партитура китайской тушью

1.

Земля, напоенная ливнем
Ночным, пьяна – не просыхает
И, зеленея, впала в буйство.
День ослепителен и душен.
И – нет, ты только полюбуйся, –
Прикинувшись неопалимым
Кустом, церквушка полыхает
В три маковки, кулич надкушен –
До Пасхи ждать неумогу,
И грешная земля в цвету.

И всё тут, как заведено;
И, всем составом басурманка,
Я жду отъявленных чудес –
Вот жалость: пестрое пшено
На шапке сахарной – обманка;
Неведомого полустанка
В потоке аспидный навес
Ушел на илистое дно...
Давай же, наливай вино.

Переберем-ка имена,
И слава Богу, что не святцы;
Вдвоем сочувственной смеяться
Химерам прерванного сна –
Чур, Кальдерона не читаю, –

Ты спросишь, что же я не там,
Где травы палевы в июне
И в январе поют дрозды?..
А почему я – не в Китае?..
Нет, ты взгляни: цветут сады, –
Слыхала о коте-баюне?
Так погляди. – И, всем постам:
Каков язык – таков устав.

Да я в тех землях, словно вор
В сакристии!.. Ей-ей, в затвор
Ушла бы: вышивать покровы,
К чему и склонна естеством,
И мне милы, зане суровы,
Твердыни те. Но с колдовством
Словесным – мирится ль обитель?
О, мой язык, ты мой губитель:
Ворочать – жерновом молоть,
Всё на лоток да для скандала;
И, грешница, в гробу видала
Я умерщвляемую плоть...
Буквально говорю, без злости.

А на Лычаковском погосте
Распить бутылку из Ла-Манчи
Слабо ли? Всякий сон обманчив
И уж заведомо не вечен,
Коль ты ко всем и вся – с душой.

И есть еще такой крющон,
Зовется «тинто де верано» –
Ну, «летнее». Но как пространна,
Скажи, на выдумку земля!
От розового миндаля
До черноморского катрана –
Все канонично: горы-воды,
И что им сменные клейноды.

Ведь в знобком духе майорана
Какой-то, может, Стрыйский, парк,
Да он, как заросли Аламбры:
Лишь, кантом высадив акант,
Воткните ялтинские лавры –
Узорным сграффито Корана
В тропарь прорежется дискант.

Что – любое, и что – люббе?
Душевредительский недуг –
Приязнь! И в храме – всхлип гобоя:
Дживана старого дудук, –
Миндаль зацвел в его долине...
Да ладно, предоставь калине
Цвести да в горечи краснеть.

Еще, поди, осталась снедь
Пасхальная. К сему – вино.
Да и не виделись давно.
Пусти их плавать в формалине,
Все правды, – в пору ли труды!..

Мы пьем вино. Цветут сады.

2.

Мой соломенный ангел, ты не видел огня,
Ты паришь, где назначен тебе потолок;
Ну, и как тебе сверху мировая возня?
Моровая, милоч.

Сам – изыск скотоводческого естества
В миг досужей догадки о наличье души:
Затоскует отныне, вот те крылья в залог! –
Простота в мастерстве пострашней воровства, –

Улетай, поспеши,
Разлетайся воскресной поделкой с лотка,

Расфуфырясь, порхни на ладонь знатока,
А что шарик Сваровски – звезда Рождества,
Не смеши.

Домовой попечитель, под люстрой витая,
Ты сердцам обличитель, солома пустая.
В чуждых нимбу и лимбу добывательских гонках,
Даже в собственном логове как на иголках
Обретаясь, лесному ручью в унисон
Всхлипну: райский же сонм!..

Мой вселенский уборщик – на то твой передник, –
Ты со мной заговорщик, затворник, посредник
Между мною и хлебом, – стерни пустота,
Колкость Божьего рта.

В последней инстанции труд рукотворный, –
Какие к нам санкции, вестник проворный?
Неужто, хранитель, предстанешь – врагом?
Небесная рать – это пафос военный!
Протянешь соломинку в час неблагодь?
Открой же сейчас: не язык ли геенны
Пробился в наш Вечный Огонь?..

Болтают: сместилась Земля на оси.
Соломенным чучелком в доме виси,
Мой ангел пастуший,
И свечку потушим:
Лизнет – вот и ты уже на небеси...

3.

Ну, как вы эту жизнь сочтете скверной
И на восторг пожмете ли плечами,
Когда Венеры глаз неимоверный
Расталкивает сумерки лучами?

Всегда. Везде. Где ночь, как антрацит.
Где кружева закапаны свечами.
Где восковой – на цинке – гиацинт.
А нас
Оставили в живых в который раз:
За что, почто – про то опять смолчали.

Скажи,
Взаправду мы – духовные бомжи,
Ну, внутренние, скажем, эмигранты,
Живые трупы, или как еще?..
В доме Отца обитателей не счесть,
Лишь знать бы, какова про нашу честь, –
Ведь все, что с нами было, нам на счет
Дотошные зачислят обскуранты.

Смотри:
Притихший сумрак у тебя внутри
Прорвется ли урочною звездой?
Негаданным ли грянет соловьем?
А может, будет тих, как водоем,
Питаемый подпочвенной водою?..

Я то хочу сказать,
Что много лет назад
По сумеркам брела на шаг от тайны.
В виду небес неужто мы кристальны,
Счастливицы, – ведь иные есть заставы,
Где всякая звезда – убойный залп.

Мне нравилась элегия скитаний
В сырых аллеях вдоль замшелых склепов.
Там рисоваться было бы нелепо,
Туда вел тракт,
С порукою усыпанный цветами, –
Там был аншлаг, и вряд ли ждал восстаний
Некрополь, камня в артефакт,

Объяв плющом, душителем уютным,
Деревья, что о бренности поют нам...

Деревья поднебесье раскачали,
И кто бы знал – священника, врача ли
Той девочке с худущими плечами,
Вздыхающей шумливым кронам в такт.

Опять весна свой семицветный мост
Наводит, громохая, в рай вчерашний.
Уже конкретизирован погост.
Совсем не страшный –
Ведь доступ в май дозволен в оный раз.
Топорщит острия, как дикобраз,
Звезда – иглоукалыванье в мозг,
Что стать пригоден пашней.

А в невесомых недрах майской ночи
Вселенское трепещет нетерпенье,
Роится белизной цветочных грон,
Тычинки оттопырив что есть мочи,
И вдруг звезда, в блаженстве поглупенья,
Мозг поджигает вам со всех сторон!

И – очертя главу,
Презрев молву,
Не просчитав урон, –
Живу!
Живу, и птичьи дадены права;
Живу: вполне случайно.
И смыслы не вмещаются в слова,
Но в скорбный шепот крон,
В котором – тайна.

4.

Намагниченная лунными глазами
Тех Фаюмов и Равенн, что на Волхонке,

Я лежу плашмя у времени на холке,
В промельк лет вписав не облик – только взгляд.
И на пажитях, подгорными низами,
Замедляя, примечаю: терны колки, –
Но и век меня не сбросил, мил и клят.

Наших вин, в подпольях памяти, брожение
Не свершилось. Виночерпий терпелив.
Скрытый сумраком, вибрирует залив,
Как невидимого взгляда натяженье.

И пиво из баночки,
И пена у ног
В накат – на пески – на бегу;
Смятенные бабочки
Шопеновых нот
У лампы в кругу, –

Таков уж наш полис:
Красна его повесть,
Как чертополох на лугу,
Как шелковый пояс,
Забытый царицей в стогу.

Может быть, в польхании, ропоте, треске
Полуночной грозы
Глянет в эти низы
Запредельность расчищенной фрески,
И, возможно, земными глазами...

И да благословятся базары:
Старых полисов и новостроек торжища, –
Для курящегося ангельского стойбища
Опустелого,
Трижды стеленного
Для меня – при луне,
В прошлом тысячелетье

И, возможно, во сне, –
Даже надписи нет на браслете;
Вероятно, то было в Фаюме –
По ту сторону бытия:
Двое были смуглы, представляется – юны,
И одна из них – я.

Ты помнишь тот стих о полуночном ангеле?..
У нас ему плоско – заливы ли, Анды ли.
Тогда оказалось –
Не жалует ангел Шопена:
Шампанского пена,
Томленье прощальной мазурки
В хрустальной мензурке, –
Тоскливая зависть
Всей бренности – к горним мирам
И тела разрушенный храм.

И земная приверженность памяти –
До апокалиптической паники...

Где-то в пустоши, курясь горой Хоривом,
Каменеют наши жаркие слова.
Уносима, пав эпохе на загринок, –
Я жива или мертва?..

5.

Люто ненавижу поезда –
Вряд ли это внятно той Европе,
Чьим пупом себя мы нарекли,
Будучи отброшенным последом.
Леший с нами, – ну, прикроюсь пледом,
Сокращусь, как равлик на укропе,
Понадеюсь, что – не навсегда,
И что мал отрезок сей земли,
И что спозаранку, а не в полдень,
Въеду в город – и оттяг по полной:

Буду в нем чужой. И чтоб глазели,
Как на иностранку.
В понедельник завернула зелье
В скатерть-самобранку;
Грянет вторник – столик в два приседа
В городе старинном:
Это будет славная беседа,
Поклянусь Мамбрином!
Ностальгий веселых заныванье –
Так трещит цикада, –
В склянках зелье терпкое: названье –
«Финка эстакада»* ...

Потемки, столбы, семафор.
Не выдай, святой Христофор!
Он, этот вагон,
Как заяц, которому свора вдогон,
Прямую – зигзагами чертит:
Так, словно бы черти,
Резвяся вовсю с попушенья Творца,
Вагон привязали к хвосту жеребца
И гонят со склона крутого, –
Храни меня, Сан Крискóваль!..

И катятся камни, и гром оловян –
Ночной хэви-метал певучих славян
На рельсовых стыках.
Да будь я неладна, была бы цела
Багряная «Финка» в бутылках.

Плывет уже роща, стволами бела,
Слоится туман луговин.
Снует над холмом телевышки игла
На шиве чужих половин.
Там звонницы воинской выправки

* «Огороженное имение», исп.

Под касками, в тон купоросными;
В динамиках рэпера выкрики;
Гулаговский венчик Христа;
Прилежна ткачиха над кроснами,
И присна лотков суета;
Тренд автохтонный в наборе кустарном –
Мóтанки-куклы;
И на мясистом барокко алтарном
Патина скуки;

И перед каменной Девой на цоколе,
Где по брусчатке подковы процокали,
Эта, с морщинистыми щеками, –
Что эта пани просит у камня?..

Это чужое письмо!
На марке – клеймо
Каиново.

Что-то ты, город, к печали неволишь
Крестным своим целованием.
Разве что, может быть, это всего лишь –
Путать туризм с проживанием...

Вот уж, подлинно, оттяг.
Экскурсанты на костях:
Крестов единообразный строй –
Наивернейший схрон
До судного часа;
До трубного гласа –
Жди, несгибаемый герой:
Не провещает срока
Священная падучая барокко...

Храмовые порталы.
Обшарпанные кварталы.
Заныванье ушибленного хребта –

Моего или города? –
Обветшалая красота:
Как пафосно, грустно и гордо.
Мы адски усталы.

И Девы Пречистой атласная бровь
Вскинута: что здесь, какая страна?..

Ты веришь, что гроздь претворяется в кровь?
Так выпьем вина.
Дальней лозе его помнится днесь
Та же давилъня, что памятна здесь:
Каинова война.
Авель-поэт подвернулся нелепо.
Как же сберечь нам еще одно лето?

Над бульваром – пернатого гения
Гонор: «Нет у тебя имения.
Разве что – дикие заросли».
Может, гений зелен – от зависти?
Ибо все-таки есть – ограда:
Дружбы, – «Finca la estacada»...

6.

Хочешь ли в город у дальнего моря,
В город, что весь – сломя голову – пляшет?
Как его? Малага? Или Одесса?..
Чей предпочтительнее колорит?
Жили, – для счастья хватало стекляшек,
Мак не родил – и не ведали горя,
Жили бы смирно, да где уж нам – дескать,
Если без нас, то и ад прогорит.

Града и моря!
А глада и мора?..
Это решится орлом либо решкой.

Мимо плывет занавеска с мережкой,
Пристанционных строений кирпич.
Вот вдохновенья досужего спич:
Грешнице, быть мне разменной пешкой,
Мир обустроен, таков обиняк, –
Вечером с рельсов слетел товарняк,
Мы же, как стая приморенных псов,
Ждали; теперь добирать пять часов.

Вот и скажи:
В небе есть рати – а значит, ножи?
Походя срежут, что злак, что сорняк,
Или в подсчет голосов?..

Мимо плывет беспардонная зелень.
Всяк – на полкѣ, раскардаш бумазейный:
Вот тебе к ближнему повод любви,
Там, где тебе не добавят озона, –
Знамо, для благодсти больше резона
В ладане, чем с бытием визави.

Вечером влзу в блузончик безейный –
Синего кобальта ангельский цвет, –
Вечер придет, коли небо попустит, –
Мир закишит, словно тля на капусте,
Не заморочен течением лет,
Но измышляя счастливые земли.

Близятся город и море.
В сердце, как в майской коморе,
Пусто:
Чтобы вместить – оком.
Слушай, а если живьем –
Птицу, – да крепко, до хруста?..
То-то.
Ни крови, ни пота:
Нашему племени голому –

В вышних плясать сломя голову,
Чтоб не свихнула – зевота.

7.

Ангел окно притенил вполкрыла,
Манит глазами: «А ну-ка, подь.
Что тебе в том, где ты была?
Ибо над всем – Господь».

А если над всем, так не спросит, строг,
Почто невпопад о церковный порог
Мирской обиваю прах:
Глине гончар – не враг.

В заповедь многим положен страх,
Только иным – восхищенье:
Малым, кто сердцем прост.
Внешней же церкви – рекламный пост
И пресс-релиз отпущенья.

Ангел с окошка снимает сень,
Шорох дохнул над юдолью всей,
В трении перьев – разряда треск,
Горние хляби – вдрызг,
Рамы оконной маячит крест
В мареве брызг,
Ломит зигзагом стекло слеза,
Смывает меня гроза:

Кончились пряники да баранки,
Вертимся, люд, в попеченьях пустых,
От куполов изумрудной огранки
До толстопузых золотых –
Крутится край,
Молится храм,
И в толчее не заметно святых.

Нет, сколь же приятней – быть гостем.
Спасибо за праздник, Господи!..

Где я была... где не была...
Перья архангелова крыла
В землю воткнулись рядком тополей –
Не пропадать же добру.
Купы дворовых сиреней – светлей
Ангельских крыл, – ввечеру
К лунному льнут костру:
Киева польскому гению
Ворох прохладный – дремучей Руси.
Всё, на роду гомогенное,
Духом неладно, – меси!

Чувствуешь – ну, офигенные
Запахи! На небеси –
Или всего-то лишь май да луна?..

Господи, знать бы – Твоя ли страна.

Одесса – Толедо – Львов – Одесса

